
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.231

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ВЕРИФИКАЦИИ*

Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева, Д.А. Ковлагина, М.М. Лапунин, К.М. Хутов

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

14 июля 2020 г.

Дата принятия в печать –

16 ноября 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

30 декабря 2020 г.

Ключевые слова

Общественная опасность, вредоносность, преступление, уголовный проступок, административное правонарушение, малозначительность деяния, межотраслевая дифференциация юридической ответственности, дифференциация уголовной ответственности

Раскрываются теоретические, лексические и логические подходы к определению сущности общественной опасности преступления, проводится объективизация данной уголовно-правовой категории посредством выявления системы верифицированных факторов и тем самым формируется представление об основании дифференциации преступлений и административных правонарушений, а равно юридической ответственности за их совершение. Отмечается, что общественная опасность преступления как законодательной или теоретической конструкции представляет собой возможность негативных изменений в обществе, которые определены в самом уголовном законе, и в этом смысле преступление опасно. Общественная опасность преступления как факта действительности лишена смысла, поскольку преступление – и есть негативные изменения и наступивший вред. Выделяются обязательные и факультативные признаки общественной опасности. Делается вывод о том, что в качестве критериев общественной опасности поведения не должны выступать количественные показатели (размер, тяжесть, иная величина) предмета посягательства и его общественно опасных последствий, а равно повторность совершения деяния и наличие специального рецидива преступлений.

PUBLIC DANGER OF CRIME: THE CONCEPT AND CRITERIA OF VERIFICATION**

Natalia A. Lopashenko, Arina V. Golikova, Elena V. Kobzeva,

Darya A. Kovlagina, Mikhail M. Lapunin, Kazbek M. Khutov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Article info

Received –

2020 July 14

Accepted –

2020 November 16

Available online –

2020 December 30

Keywords

Public danger, harmfulness, crime, criminal misdemeanor, administrative offense,

The subject. The article reveals theoretical, lexical and logical approaches to determining the essence of the public danger of crime.

The purpose of the article is to confirm or dispute hypothesis that the public danger of crime as a legal or theoretical construction represents the possibility of negative changes in society; public danger is an exclusive social feature of criminal acts. The authors also aim to develop a system of verifiable criteria for public danger.

The methodology of the research is an objective assessment of the public danger as legal category. It is performed selecting a system of verified factors of public danger on the basis of analysis and synthesis, induction and deduction, interpretation of legal literature.

The main results, scope of application. The meaning of the legal definition of a crime contains the purpose of preventing possible harm to society stipulated in the criminal law. This fact is due to the preventive task (part 1 of article 2 of the Russian Criminal Code). The public

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00665 А.

** The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00665 А.

insignificance of the act, intersectoral differentiation of legal responsibility, differentiation of criminal responsibility

danger of crime as a phenomenon of objective reality is meaningless, since the crime is the negative changes and harm that has occurred. The social danger of crime creates a shock to the foundations of society, undermines the conditions of its existence. Other ("non-criminal") offenses that contradict the established law and order in the state do not threaten the basic system of social values. Intersectoral differentiation of legal responsibility should have transitivity, which includes a rule: the degree of repression of coercive measures within various branches of law meets the rules of hierarchy. Mandatory signs of public danger of a crime are that the act: 1) affects significant social relations that need criminal legal protection from causing harm to them by socially dangerous behavior; 2) has a harmful potential that is fraught with causing significant harm or creating a threat of causing such harm to the object of criminal legal protection; 3) results in socially dangerous consequences; 4) is characterized by the guilty attitude of the subject to the deed, expressed in the form of intent or carelessness. Optional criteria of public danger of act are: the characteristics of the crime and characteristics of victim; method of committing a crime; the time, place, atmosphere, instruments and means of committing the crime; the motive; the object of the crime; special characteristics of the perpetrator. The quantitative indicators (size, severity, or other value) of the subject of the offense and its socially dangerous consequences, as well as the repetition of the act and the presence of a special recidivism of crimes should not be used as criteria for public danger of behavior.

Conclusions. Public danger is a social feature exclusively of criminal acts (crimes and potential criminal misdemeanors); all other types of offenses are harmful to the interests of society, but they do not pose a danger to it. To exclude competition between criminal and administrative responsibility, it is necessary to take into account the public danger of the crime on the basis of verifiable factors.

1. Общественная опасность в уголовном праве: теоретические подходы (введение)

Общественная опасность до сих пор относится к тем уголовно-правовым категориям, о которых ведутся жесточайшие споры, с разбросом мнений от безусловного одобрения и принятия до категорического неодобрения и требования уйти от этой категории [1, с. 23]. Собственно, кардинально разные взгляды на нее можно увидеть, просто обратившись к названиям некоторых последних научных работ [2–4].

Общественная опасность в уголовно-правовом смысле связывается обычно с признаком преступления (самая распространенная позиция в российской доктрине, при этом даже не только уголовного права, но и других отраслевых наук), с основанием криминализации деяний и далее, уже используя названные привязки, с характеристикой преступности. Так, в свое время Н.Ф. Кузнецова писала: «Общественная опасность преступления – исторически изменчивая категория. Изменение ее объективно обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе. Отсюда методологически правильнее рассматривать изменения в общественной опасности в разделе о преступности, а не в разделе о понятии преступления» [5, с. 248].

Зарубежная доктрина часто, если не отрицает общественную опасность как признак преступления, то придает ей гораздо более скромное значение, нежели российские ученые. Например, С. Шапиро выделяет различный потенциал и мотивы совершения преступлений в разных социальных стратах, определяет различия между ними. При этом он исходит из того, что в определении понятия преступления нет необходимости отражать материальный признак преступления – общественную опасность [6]. Подобной точки зрения придерживаются и другие иностранные авторы [7–9].

Многие отечественные ученые ратуют за установление общественной опасности как признака преступления. При этом в науке уголовного права наблюдается большое разнообразие позиций по пониманию сущности общественной опасности:

– общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред общественным отношениям, или включает в себе возможность причинения соответствующего ущерба (А.А. Пионтковский) [10, с. 157];

– общественная опасность есть способность предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (А.В. Наумов) [11, с. 118];

– общественная опасность – это вред, учиненный лицом, обязанным воздерживаться от его причинения, отражающий зловредность причинителя и создающий опасность учинения им нового вреда охраняемым уголовным законом объектам (Б.Т. Разгильдиев) [12, с. 65];

– общественная опасность является существенным социальным свойством, выражающимся в направленности общественно опасного деяния на причинение значимого для уголовного законодательства вреда охраняемым им общественным отношениям (В.В. Мальцев) [13, с. 185].

Общественная опасность как свойство преступного деяния наделяется, таким образом, в теории отечественного уголовного права настолько разнообразным содержанием [14, с. 234; 15, с. 22; 16] и функциями [2; 4; 17; 18], что усложняет любые попытки трактовать эту категорию и устанавливать ее признаки. В результате – отсутствие однозначного отношения к общественной опасности деяния, затруднение процесса правоприменения (особенно при оценке малозначительности содеянного или разграничении уголовно-наказуемых и административно-наказуемых правонарушений), вечная дискуссия на страницах научно-исследовательских работ практически по любым уголовно-правовым проблемам: от вопросов криминализации [19, с. 203; 20, с. 102; 21, с. 5] до использования оценочных признаков [22; 23, с. 271; 24, с. 8] при конструировании составов преступлений.

С уверенностью можно сказать лишь одно. В науке уголовного права данная проблема не нашла еще своего решения. Любую научную позицию по поводу понимания общественной опасности в юридической литературе небезосновательно подвергают критике.

С одной стороны, в понимании общественной опасности нет ничего сложного. Любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, должно обладать способностью осознания общественной опасности преступлений и, соответственно, воздерживаться от их совершения. В иных случаях, если лицо в силу возраста или психического расстройства (слабоумия) не обладает такой способностью, его уголовная ответственность исключается. Еще Цезаре Беккария писал: «... истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу. Это одна из тех очевидных истин, для открытия которых не требуется ни квадрантов, ни телескопов и которые доступны любому среднему уму. Но по странному стечению обстоятельств

такого рода истины всегда и у всех наций создавались ясно только немногими мыслящими людьми» [25, с. 98].

С другой стороны, общественная опасность является самым сложным в понимании признаком преступления. Как указывал А.Э. Жалинский, уголовно-правовая наука не располагает сведениями о реальной опасности того или иного вида поведения и образующих его отдельных деяний. Опыт объявления спекуляции, гомосексуализма, частного предпринимательства и прочих явлений преступлениями иллюстрирует опасность этого пробела [26, с. 124].

С учетом того, что именно это свойство деяния в науке уголовного права признается главным *критерием* (здесь – условный термин, обобщающий все возможные значения) преступления, а в уголовном законе используется для дифференциации деяний (ч. 2 ст. 14, ст. 15 УК РФ) и уголовной ответственности (например, ст. 75 УК РФ), сформулируем собственное отношение к этой проблеме, определив ключевые концептуальные предпосылки наших рассуждений.

2. Общественная опасность: лексический и логический анализ

Как ни странно, лежащее на поверхности объяснение сути общественной опасности, происходящее от двух терминов, которыми она обозначается, мало кем анализируется, во всяком случае в современной науке (такой подход был встречен лишь дважды [27]). Между тем обходить изначальную суть понятия «общественная опасность», не привязывая его пока ни к преступлению, ни к криминализации, ни к преступности, категорически неверно, ведь когда-то, когда только думали над названием данной категории, явно исходили из смысла тех терминов, которыми можно ее обозначить, ища в них главную характеристику.

Итак, общественная опасность складывается из двух слов, каждое из которых очень важно: слово «опасность» заключает в себе главное качество исследуемой категории, слово «общественная» выставляет границы этого качества, исключает очень широкое его понимание.

Википедия, определяя понятие опасности, прибегает к известной дефиниции В.М. Заплатинского: «Опáсность – возможность возникновения обстоятельств, при которых материя, поле, энергия, информация или их сочетание могут таким образом повлиять на сложную систему, что приведет к ухудшению или невозможности её функционирования и развития» [28]. В словаре Ушакова опасность – это воз-

возможность, угроза бедствия, катастрофы, чего-нибудь нежелательного¹; по Ефремовой, опасность – возможность чего-л. опасного, какого-л. несчастья, вреда²; по Ожегову – возможность, угроза чего-н. очень плохого, какого-н. несчастья³. Подобные значения слова «опасность» даются и в других источниках (иногда с отсылкой к прилагательному «опасный», иногда, как, например, у Даля, понять значение можно только по антониму «безопасный»).

Термин «общественная» в приложении к понятию «опасность» означает, в полном соответствии с теми же словарями, значимый для общества, соотносимый с интересами общества, хотя и порождаемый обществом, принадлежащий всему обществу, и т. д.

Правда, здесь возникает закономерно следующий вопрос: как понимать термин «общество», каковы пределы этого понимания. И если с тем, что общество – это социум, представляющий собой совокупность людей и отношений, возникающих между ними (по Марксу, это общество вообще), в основном, не спорят (не принимаем во внимание отдельные аспекты и отдельные позиции), то по тому, каков объем (масштаб) этого общества, для чего или во имя чего оно возникло и существует, устоявшихся договоренностей между исследователями мало. Наверное, население государства, города – это общество. А два человека – это общество? А если это родные люди, это общество? А если люди объединены каким-то процессом (трудом, учебой, чем-то другим) или находятся в одном месте (в больнице, например), это общество? А если, напротив, не объединены ничем, кроме нахождения в одном месте, это общество?

Все эти вопросы отнюдь не оказываются странными или ненужными, если мы вспомним о том, что речь идет об *общественной* опасности, связываемой с преступлениями. Она – для кого? К примеру, муж избивает жену. Или родители жестоко обращаются со своим ребенком. Или люди незаконно хранят доставшееся от родителей оружие. Или – даже – одно лицо совершает у другого кражу его имущества. Есть ли здесь *общественная* опасность? Причиняется ли во всех указанных и в миллионе других ситуаций вред *обществу*, а не конкретному лицу? Ставится ли общество в опасность тогда, когда деяние только замыслено или начало осуществляться?

¹ См.: Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolslovar.ru/o4625.html> (дата обращения: 02.07.2020).

² См.: Там же.

Высказанные сомнения приводят к «вечным» в уголовном праве вопросам: почему государство взяло на себя роль арбитра в оценке поведения человека? Особенно, если учесть, что никто из живущих такого права ему не давал. Где заканчивается частный интерес и начинается общественный? Почему потерпевший сам не может решить, когда и как реагировать на посягательство, направленное против его интересов со стороны других лиц? Почему он, в основном, выведен из механизма уголовно-правового регулирования? Можно продолжать.

Вопросы ставить можно и нужно. Абсолютно прав Ю.Е. Пудовочкин, отмечающий: «...понимание того, что же собой представляет виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, в современной науке отсутствует, его еще только предстоит сформировать» [29, с. 5]. И далее, проводя аналогию с состоянием научного знания второй половины XIX столетия, когда «на фоне развития позитивистской методологии, успехов в статистике, социологии, антропологии, иных социальных и точных науках стала остро ощущаться недостаточность сформированного в недрах классического уголовного права знания о преступлении», Ю.Е. Пудовочкин констатирует именно то, о чем мы писали выше, приходя к «вечным» вопросам в уголовном праве: «...большая и содержательная дискуссия о понимании преступления была поднята в то время до уровня обсуждения вопросов предмета и методов уголовного права...» [29, с. 6] (курсив мой. – Н. Л.).

Ю.Е. Пудовочкин видит решение проблемы понятия преступления через формирование полноценной научной теории криминализации, основы которой в настоящее время, как он считает, только заложены [29, с. 6]. Всецело поддерживая его в необходимости развития теории криминализации (правда, вместе со всей уголовной политикой), вместе с тем думаем, что только через уголовную политику, даже как интегрированное научное знание, нельзя решить искомую проблему.

Любая политика, уголовная в том числе, – это искусство компромисса. Компромисса между интересами общества и государства, отдельного человека и общества, понимаемого как совокупность людей, объединенных или не объединенных чем-либо, между интересами различных политических групп;

³ См.: GLOSUM. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Опасность> (дата обращения: 02.07.2020).

можно длительно продолжать. Однако компромисс в понятии преступления нас, по меньшей мере, смущает... Очевидно, что последствия именно таких компромиссов мы имеем сегодня, когда российский уголовный закон «трещит по швам» от количества псевдо- и недо- преступлений...

Как сегодня пресловутый законодатель игнорирует все научные изыскания по поводу того, что должно лежать в основе преступного и наказуемого, так и завтра, даже при создании еще одной – и блестящей – новой теории криминализации ли, преступления ли, этот процесс продолжится... До тех пор, пока не изменится и общество, и государство... Что, впрочем, совсем не означает, что можно и нужно ничего не делать, в ожидании этих перемен.

Преступление и реакция государства на него – в виде наказания или иных уголовно-правовых мер – главные составляющие уголовного права во всем мире. Поскольку за преступление предусматривается во всех государствах самое жесткое (иногда и жесткое тоже) принуждение (ничего более эффективного не придумано, к сожалению; пока, во всяком случае), постольку очень важно в понимании преступления опираться на какие-то объективные реалии, демонстрирующие – и абсолютно однозначно – необходимость жесткой государственной оценки.

В настоящее время такой категорией как раз и выступает общественная опасность, что, однако, совсем не снимает вопросов о том, как ее саму понимать.

Возвращаясь к толкованию понятия «общество», видимо, следует исходить из того, что оно, в определенной степени, противостоит понятию государства как некоей масштабной организации, занимающейся наведением и поддержанием порядка среди людей, живущих в этом государстве или находящихся в нем. Для выполнения этих задач государство использует власть, которая может выражаться и в принуждении. Потому часто государство определяют через понятие политической организации общества. В отличие от государства, общество представляет собой только социальную организацию людей, на принуждение не опирающуюся, а во многих случаях – даже и не организацию, а просто совокупность, обыденную общность людей.

Нужно, видимо, признать, что в уголовно-правовом смысле общество понимается так широко, как только возможно: и как объединение по каким-либо интересам, и как механическое объединение населения в любом масштабе; и как совокупность бесконечного множества людей, и как объединение двух

человек для совсем не общественных целей, – по любви, например. И с этой стороны общество противостоит индивиду. Точно указывает В.С. Прохоров: «Преступление – это конфликт между человеком и обществом. Общество представлено в этом конфликте общественными отношениями» [30, с. 79].

Соответственно, как только интересы одного человека (условно назовем его преступником) посягают или негативно затрагивают интересы другого человека, можно говорить об опасности обществу.

Таким образом, общественная опасность может трактоваться как возможность негативных изменений в обществе или общества, возможность негативных последствий, вреда, причиняемых обществу, или же, наоборот, как продуцируемая обществом возможность негативных изменений в нем же или возможность негативных последствий для членов и нечленов общества, для государства, для природных объектов, для мира и безопасности человечества и т. д.

Главное, что можно заключить на этом этапе: 1) опасность всегда связывается с негативными изменениями или последствиями, начиная от просто нежелательных, заканчивая крайней степенью негативности – несчастьем; 2) эти последствия (изменения) не реализованы, они только *ожидаются* в виде возможности или угрозы. Верно отмечает С.А. Маркунцов: «лингвистический анализ термина «опасность» исключает из ее содержания реальность факта причинения вреда, подчеркивая потенциальность, возможность причинения вреда общественным отношениям... признак общественной опасности используется законодателем в основном для характеристики деяния, то есть действия или бездействия лица, а не преступления в целом. Такой вывод можно сделать из содержащегося в ст. 14 УК РФ понятия преступления. Словосочетание «общественная опасность преступления» законодательно не употребляется» [27, с. 335]. Но реализация опасности ухудшит существующее состояние явления, процесса, объекта и т.д. (общества), а то и вовсе прекратит его существование. Традиционное понимание общественной опасности, по той же логике, по которой мы пользуемся понятиями «уголовное право», «экологические преступления» и т.п., связано с первым указанным общим значением общественной опасности – опасность *для* общества.

Такое понимание опасности показывает, что термин, избранный когда-то для сущностной характеристики преступления (преступности), действительно, точен, правда, с одной весьма существенной

оговоркой: он точен только для тех деяний, которые еще не осуществлены, а также для законодательного понятия преступления и теоретического понятия преступности. В том же случае, если преступление совершено, опасность уже реализована; она осталась за рамками деяния, а последнее является собой результат реализованной опасности, т.е. те негативные изменения или последствия, или вред, или ущерб, возможность которых связывалась с опасностью.

Интересно, что даже авторы, не проводящие в отношении общественной опасности разницы между легальной дефиницией преступления и преступлением как фактом реальной действительности, интуитивно, видимо, чувствуют ее. Так, В.С. Прохоров пишет: «В определении понятия преступления общественная опасность — характеризующий его признак; в преступлении как социальном явлении — неотъемлемое свойство, его определяющее качество» [30, с. 78].

Таким образом, общественная опасность преступления как законодательной или теоретической конструкции — это *возможность* негативных изменений, последствий, которые определены в самом уголовном законе, и в этом смысле преступление опасно. Правда, в данном случае мы идем уже от факта признания деяния преступлением в уголовном законе. Другое дело, что определить, когда общественно опасное деяние должно быть признано преступным, крайне сложно. Общественная опасность преступления как факта действительности лишена смысла, поскольку преступление здесь — это сами негативные изменения, наступивший вред, последствия разного рода и т. д. Потому преступление как факт действительности не обладает опасностью, во всяком случае, той, которая уже реализована в нем же. Хотя, возможно, если преступление совершено, его и преступлением уже неверно именовать, а следует говорить, например, о реализованном преступлении или о последствиях совершенного преступления. Придя почти к такому же выводу, С.А. Маркунцов предлагает исключить общественную опасность из научного оборота или заменить ее термином «вредоносность».

Таким образом, преступление как теоретическая или законодательная конструкция содержит признак общественной опасности, поскольку деяние в нем связывается с возможностью причинения вреда обществу. В таком смысле значение законодательного понятия преступления нацелено на предотвращение тех возможных последствий, которые

описаны в уголовном законе. Дефиниция преступления выполняет ту профилактическую роль, на которую указано в ч. 1 ст. 2 УК РФ (предупреждение преступлений).

Предложенное понимание общественной опасности согласуется с теми рассуждениями, которые, например, приводит С.А. Бочкарев, отмечая, что опасность — это «нечто не явленное, но подразумеваемое. Если вывод о вреде прямо или опосредованно следует из опыта, имеет своим основанием практический базис, то вывод относительно опасности исходит из предположения на уровне рассудка, ощущения на уровне психики, а вместе они обеспечивают определенное умозаключение человека» [31]. Только расставим акценты иначе: опыт, то есть реализованный вред, лежит в основе того, чтобы деяние было признано общественно опасным на будущее. Имеющегося опыта достаточно для того, чтобы люди, общество, государство опасались повторения этого опыта; соответственно, запрещая определенное поведение, государство признает его опасным, объявляя об этом, во избежание того, чтобы эта опасность реализовывалась вновь (надежда оказывается прозрачной, но во многих случаях запрет все-таки работает). Собственно, С.А. Бочкарев и сам далее в этой же работе очень четко пишет: «Опасность относится к праву, поскольку уходит своими корнями в онтологию бытия человека, общества и мира». И далее: «Опасность относится к бытию человека, поскольку имеет родственную связь с инстинктом самосохранения: опасность является интеллектуальным, а инстинкт — волевым моментом в деятельности человека. Когда наступает опасность, утверждает социолог П.А. Сорокин, тогда начинает работать инстинкт. Дополняя друг друга, вместе они отвечают за сохранение жизни и дееспособности человека, общества и государства» [31].

3. Неисключительный характер объективного значения общественной опасности и его учет в основе дифференциации юридической ответственности

Принадлежит ли общественная опасность только преступлению, или же относится и к другим явлениям, в праве решают по-разному.

Нередка ситуация, когда именно по наличию общественной опасности проводят разницу между преступлением и административным правонарушением, отказывая последнему в ней (в полном, впрочем, соответствии с буквой закона — ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ (административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездей-

ствие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность), в которой нет ни слова об общественной опасности) и утверждая наличие у административного правонарушения лишь вредоносности.

Согласно другой позиции, все правонарушения обладают общественной опасностью, разница лишь в ее степени. Так, Н.Ф. Кузнецова писала: «...понятие общественной опасности рассматривается как универсальное понятие, которое характеризует все правонарушения. ... Специфика общественной опасности преступлений в ее характере и степени» [5, с. 247].

Наконец, многие – и справедливо, говорят о том, что общественно опасными могут быть деяния, которые правонарушением не являются, если принимать во внимание смысловое значение термина «общественная опасность». Действительно, возможность негативных изменений, включая причинение отрицательных последствий, несут в себе посягательства, исходящие от невменяемых лиц и малолетних детей (часто обсуждается детская ревность, которая может привести к тому, что маленький ребенок причиняет смерть своему только родившемуся брату или сестре). Опрошенные в рамках социологического исследования практикующие юристы⁴, разделяют такое понимание общественной опасности, усматривая ее в деяниях невменяемых (86,2 %) и малолетних (80 %) лиц.

Деяния психически больных лиц признаются опасными для общества и в зарубежном уголовном праве. Так, немецкий учёный А. Дессекер отмечает, что законодатели Австрии, Бельгии, Швейцарии и Германии, предусматривая возможность применения к таким лицам в крайних случаях мер уголовно-правового принуждения (предварительного заключения и помещения в психиатрическую больницу), нацеливают указанные меры исключительно на предупреждение серьёзных преступлений в будущем [32]. Об этом же пишет английский автор Э. Бэйкер применительно к уголовно-правовой юрисдикции Великобритании [33].

Больше того, в *объективном значении* общественной опасностью обладают даже поступки, которые являются общественно полезными, например совершенные в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, и т. д.

Таким образом, общественная опасность деяния в ее объективном значении как свойство причинения вреда или способности его причинить не позволяет провести разницу между различными видами юридической ответственности, безусловно необходимыми для государственной реакции на вредоносное деяние. Прибегнем, поэтому, к договорной теории (когда позиции, разные по содержанию, невозможно примирить, поскольку все они имеют веские основания для доказательства своей правоты, следует договариваться, чтобы идти дальше) в отношении общественной опасности как более продуктивной для решения задач дифференциации ответственности.

Присоединимся к преобладающей научной позиции, согласно которой общественная опасность является *социальным свойством исключительно уголовно-противоправных деяний (преступлений и уголовных проступков)* (оговорим, что ныне многие деяния, которые являются, по сути, уголовными проступками, содержатся в административном законодательстве, однако осознание необходимости перенесения их в уголовный закон, одновременно с выделением там категории уголовных правонарушений – уголовных проступков – постепенно происходит даже на уровне судебного сообщества и властных структур); все иные правонарушения *вредны* для интересов общества теми последствиями, которые они за собой влекут.

Любые нарушения норм российского права обладают признаком социальной вредности, так как вступают в противоречие с отдельными интересами общества, наносят им вред. В тех случаях, когда вредоносность поведения достигает уровня опасности для общества (т.н. «критического порога» [34, с. 113], оно переходит в иное качественное состояние, свойственное преступлению или уголовному проступку.

Общественная опасность деяния предполагает, что оно сотрясает основы общества, подрывает условия его существования. Это вовсе не означает, что общественно опасное деяние причиняет вред обществу в целом, всей системе общественных отношений [5, с. 237]. Непосредственному вредному воздействию может быть подвергнут конкретный человек, организация, отдельная сфера общественных отношений, но по своему характеру и значимости данный вред выходит за рамки индивидуальных (частных) либо узкосоциальных интересов, ставя под

⁴ Всего нами было опрошено 130 человек, занятых в различных областях прикладной юриспруденции.

угрозу существующий социальный строй, общество в целом. Именно общественной опасностью преступления и уголовного проступка продиктовано то обстоятельство, что лицо признаётся совершившим эти деяния и приговаривается к наказанию от имени всего общества и государства («именем Российской Федерации»).

Для дисциплинарных проступков, гражданско-правовых деликтов, административных и иных «неуголовных» правонарушений общественная опасность не характерна. Нарушая установленный в государстве правопорядок (т.н. «внешний порядок»), они лишь вызывают в тех или иных отношениях «социальную неурядицу», не угрожающую общим глубинным интересам общества» [35, с. 24], базовой системе социальных ценностей. Л.С. Явич точно подметил, что проступок, находящийся между правомерным поведением и преступлением, «неправомерен, социально недопустим — асоциален, находится на грани нарушения условий существования самого общества как такового, но грань эту как бы не переходит» [36, с. 175]. Ответственность за правонарушения определяется не от имени государства, а от имени уполномоченного государственного органа.

Таким образом, именно общественная опасность выделяет преступления и уголовные проступки среди иных правонарушений, подчёркивает их качественное своеобразие и придаёт самостоятельность уголовному праву как отрасли права. Что касается всех иных («неуголовных») правонарушений, являющихся социально вредными, но не достигающих уровня общественной опасности, то они также делятся между собой не по характеру и/или степени общественной вредности, а по характеру общественных отношений, регулируемых нарушенной нормой права, что в свою очередь предопределяет их социальную и правовую специфику как явлений разного сущностного порядка. «Все эти виды правонарушений посягают на различные, более или менее обособленные стороны правопорядка и отличаются друг от друга определёнными специфическими чертами и признаками, имеющими материальный характер» [37, с. 162].

Здесь же следует кратко коснуться проблемы нетранзитивности ответственности. Под транзитивностью следует понимать состояние межотраслевой дифференциации ответственности, при котором степень репрессивности мер принуждения в рамках различных отраслей отвечает правилам иерархии.

Еще в середине прошлого века ученые подчеркивали, что «границы между преступлениями и административными проступками крайне условны и подвижны, так как часто с изменением общественно-политической ситуации некоторые правонарушения, ранее относившиеся к категории преступлений, могут быть отнесены к административным проступкам, и наоборот» [38, с. 65]. К такому же выводу приходят и современные исследователи: деление социальных отклонений на преступления и административные правонарушения зачастую эфемерно, что подтверждается и современной правоприменительной практикой, и мировым опытом. В КоАП и УК содержится около ста таких «пограничных» составов [39]. Санкции в нормах различных отраслей права должны соотноситься между собой по правилам иерархии [40]. Так, для физических лиц в административном праве не должно быть наказаний, равных или больших, чем за сходные деяния в рамках уголовной ответственности.

Иногда нетранзитивность правовой ответственности возникает на фоне процессов изменения жизни общества. К XXI веку сложилась позиция, согласно которой уголовное право должно охранять отношения, базирующиеся на самых важных, невосстановимых или очень трудно восстанавливаемых благах, ценностях. Опасность, исходящая от совершаемых преступлений, зачастую заключается в потере невосполнимых ресурсов обществом или ее членами. Изменения в науке и технике, общественном укладе меняют ценности, расставляют иные акценты. Например, благодаря развитию медицины сегодня причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью по неосторожности декриминализовано, с такими случаями справляются и нормы гражданского права. С другой стороны, в настоящее время следует ужесточить посягательства на нейронные сети, лежащие в основе искусственного интеллекта: в данный момент это уже гораздо ближе к посягательству на личность, чем к «неодушевленному» компьютерным преступлениям. Квалифицированным должен быть состав незаконной модификации сетей глубокого обучения, так как такие последствия сродни вреду здоровью и непоправимы, чаще всего, в отличие от восстановления, например, из резервной копии уничтоженной хакером переписки. Такие преступления требуют и определенных специальных навыков — их гораздо сложнее совершить, чем удалить фото с соседского ноутбука, к примеру. Сегодня же возможности уголовно-правовой охраны

в данном вопросе существенно уступают даже потенциалу гражданского права.

Для выхода из порочного круга конкуренции видов ответственности нужны жесткие правила, установление какого-то ключевого для каждого вида ответственности свойства, ведь нетранзитивность появляется там, где деление свойств проводится не по одному основанию. К.В. Симонс пишет, в частности: «возможно, уголовное право должно применяться всякий раз, когда деликтная ответственность будет неэффективным сдерживающим фактором (например, когда ответчик беден и, следовательно, его трудно удержать с помощью угрозы иска)», хотя и сам признает, что «этот рецепт может привести к применению серьезных уголовно-правовых санкций за относительно незначительные формы антиобщественного поведения» [41].

Сказанное указывает на различную социальную природу каждого вида правонарушений. Социальная природа преступлений и уголовных проступков, их ключевое свойство состоит в их *опасности для общества*. Общественная опасность является собой особое свойство, выделяющее преступления и уголовные проступки среди иных правонарушений, подчёркивающее их качественное своеобразие и придающее самостоятельность уголовному праву как отрасли права. Из подобного восприятия общественной опасности исходит и большинство практикующих юристов (90,8 %).

4. Верифицированные факторы (критерии) объективизации общественной опасности преступления, необходимые для осуществления межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности на современном этапе

Речь идет о дифференциации уголовной и административной ответственности в условиях до введения в уголовный закон понятия уголовного проступка. Как, на каких основаниях следует относить деяние к административному правонарушению или к преступлению и возможно далее – к уголовному проступку? Что следует принимать во внимание? В процессе работы над темой в течение нескольких лет нами, с учетом также и проведенных социологических исследований, создана система критериев общественной опасности, позволяющая отнести вредоносное деяние к преступлению и, наоборот, при их отсутствии исключить возможность его отнесения к преступлению.

Критерии общественной опасности преступлений, позволяющие дифференцировать преступления и административные правонарушения, могут носить характер обязательных и факультативных признаков.

Обязательные признаки общественной опасности преступления сводятся к следующим:

1. *Деяние затрагивает значимые общественные отношения, которые нуждаются в уголовно-правовой охране от причинения им вреда социально опасным поведением.*

На особую социальную ценность определённых общественных отношений прежде всего указывает содержание Основного Закона РФ, с учётом которого в теории уголовного права в первую очередь принято вести речь об отношениях, обеспечивающих права и свободы человека и гражданина (глава 2). В свете изложенного правильным представляется подход А.Э. Жалинского, который, в отличие от большинства учёных, находил достаточным для признания деяния общественно опасным «причинение и возможность причинения не поддающегося полному возмещению существенного вреда любым конституционным ценностям», т. е. всем правовым благам, имеющим конституционный ранг [42], а не только конституционным правам и свободам человека и гражданина.

Помимо Конституции РФ выявлению социально значимых объектов, нуждающихся в уголовно-правовой охране, способствует содержание важных директивных документов государства (Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии государственной антинаркотической политики и др.), где приоритетным, в частности, признаётся обеспечение безопасности государства, экономики, здоровья населения, окружающей среды и иных общественных отношений.

Административное право регулирует общественные отношения, складывающиеся в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления, и именно эти отношения должны выступать объектом охраны со стороны данной отрасли права. Следовательно, объектом административных правонарушений необходимо признавать *установленный правовой порядок* в сфере экологии, экономики, избирательного процесса, обеспечения прав и свобод человека и гражданина и т. д.

2. *Деяние обладает вредоносным потенциалом, чреватым причинением существенного вреда (созданием угрозы причинения такого вреда) объекту уголовно-правовой охраны.*

3. *В результате совершения деяния наступают общественно опасные последствия.*

Эти последствия могут иметь различное (имущественное, физическое, организационное и иное)

содержание, которое определяет характер общественной опасности преступления (уголовного проступка). Во всех случаях общественно опасными должны признаваться последствия в виде вреда жизни и здоровью человека, уничтожения и повреждения чужого имущества, выбытия имущества из обладания собственника или иного законного владельца.

По мнению подавляющего большинства учёных, первые три выделенных критерия играют ведущую роль в формировании общественной опасности поведения. Разделяем эту позицию, поскольку считаем, что именно в объективных, внешних признаках посягательства выражается специфика общественно опасного поведения, именно они, по общему правилу, сосредоточивают в себе ядро общественной опасности.

Чаще всего общественно опасное деяние и общественно опасные последствия неразрывно связаны: опасные для общества последствия наступают именно в результате общественно опасной природы совершаемого деяния (например, вред здоровью человека как следствие насильственных действий). Однако возможны ситуации, когда деяние как таковое опасности для общества не представляет, выражаясь лишь в нарушении формальных правил поведения, установленного правового порядка, но вследствие проявленного лицом неосторожного отношения выливается в общественно опасные последствия.

4. *Деяние характеризуется виновным отношением субъекта к содеянному, выраженным в форме умысла либо неосторожности.*

Вина, наряду с выделенными объективными признаками, выступает стержневым критерием общественной опасности посягательства, без которого последняя констатирована быть не может. Закреплённые в статьях 25 и 26 УК РФ дефиниции прямого и косвенного умысла, легкомыслия и небрежности предполагают, что, реализуя поведенческий акт, субъект воспринимает сам этот акт и/или возможные его последствия (в случае с небрежностью должен и может воспринимать) как общественно опасные. Следовательно, этот субъективный критерий, выражая антисоциальность внутренних установок субъекта, непосредственно участвует в формировании общественной опасности поведения.

Факультативные (само значение слова «факультативный» («предоставленный собственному выбору, необязательный») говорит о том, что законодатель может использовать эти критерии выбо-

рочно, индивидуально, с учётом существа конкретного деяния, присущей ему специфики) критерии общественной опасности:

– *признаки предмета преступления и потерпевшего от преступления.* Эти объективные обстоятельства обнаруживают общественную опасность совершаемых с ними действий (бездействия) и позволяют идентифицировать объект посягательства;

– *способ совершения преступления.* Несомненно, об общественной опасности деяния свидетельствуют такие способы, как насилие (физическое и психическое), в особенности крайние его проявления (садизм, особая жестокость, издевательство, мучения, жестокое обращение); обман (в том числе документальный); подкуп; способы, создающие опасность причинения вреда множеству лиц (общеопасные способы: взрыв, поджог и т. п.);

– *время, место, обстановка, орудия и средства совершения преступления.* Указанные признаки тесно увязаны с особенностями конкретных видов деяний;

– *мотив преступления.* Во всех случаях об общественной опасности направленности посягательства свидетельствуют такие низменные мотивы субъекта, как корыстный, хулиганский, экстремистский, месть за правомерные действия других лиц;

– *цель преступления.* Явно выраженной антисоциальной направленностью обладают корыстная цель, цель эксплуатации человека, цель сбыта ограниченных или запрещённых в обороте предметов, цель воспрепятствования законной деятельности других лиц;

– *специальные признаки субъекта преступления.* Речь, в частности, идёт о таких специальных признаках субъекта преступления, как должностное или служебное положение, совершеннолетний возраст, принадлежность к определённой профессии и т. п.

Объективно-субъективное содержание общественной опасности преступления подтверждается в целом и мнением практикующих юристов. Так, около половины опрошенных согласны с тем, что характер общественной опасности как материальной сущности преступления основан и на объективных, и на субъективных признаках состава преступления (42,3 %). Значением факторов, определяющих степень общественной опасности преступления, приоритетно были наделены преступные последствия (86 %), способ совершения преступления (50 %), формы и виды вины (31,3 %).

Не должны выступать в качестве критериев общественной опасности поведения:

– количественные показатели (размер, тяжесть, иная величина) предмета посягательства и его общественно опасных последствий. Они могут использоваться только в качестве средства внутриотраслевой дифференциации уголовной ответственности в рамках категоризации преступлений и выделения уголовных проступков;

– повторность совершения деяния и наличие специального рецидива преступлений. Данный подход обусловлен нашей принципиальной позицией о том, что общественная опасность личности деятеля влияет только на индивидуальную степень опасности совершённого преступления. Характер и типовая степень общественной опасности преступления ею не определяются, поскольку соответствующие параметры личности не характеризуют само посягательство, его сущность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из этапов развития современного законодательства в области охраны личности, общества и государства от девиантного поведения должно стать четкое описание составов уголовных и иных видов правонарушений. Административные правонарушения и уголовные проступки или преступления предлагается разграничивать по деянию как признаку объективной стороны состава правонарушения или уголовного проступка / преступления; они не могут совпадать. К административным правонарушениям следует относить только те деликты, которые не имеют аналогов среди уголовных проступков и преступлений. Сложившаяся практика указания в диспозициях КоАП и УК РФ сходных признаков деяний и выделения вредных последствий такого поступка в качестве отличительного признака преступления должна быть устранена.

5. Выводы

Лексический и логический подходы к исследованию общественной опасности позволили установить, что об общественной опасности уместно вести речь лишь применительно к законодательной или теоретической конструкции преступления. В этом смысле она представляет собой возможность негативных изменений (последствий, вреда) в обществе (обществу), а само законодательное понятие преступления нацелено на предупреждение указанного вреда и обусловлено его превентивной задачей (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Что же касается общественной опасности преступления как факта действительности, то она

лишена смысла, поскольку преступление – это и есть негативные изменения и наступивший вред.

Общественная опасность является социальным свойством исключительно уголовно-противоправных деяний (преступлений и потенциально уголовных проступков); все иные правонарушения вредны для интересов общества, но опасности ему не представляют. Общественная опасность преступления предполагает, что оно сотрясает основы общества, подрывает условия его существования. При этом непосредственному вредному воздействию может быть подвергнут конкретный человек, организация, отдельная сфера общественных отношений, но по своему характеру и значимости данный вред выходит за рамки индивидуальных (частных) либо узко-социальных интересов, ставя под угрозу существующий социальный строй, общество в целом. Дисциплинарные проступки, гражданско-правовые деликты, административные и иные «неуголовные» правонарушения, вступая в противоречие с установленным в государстве правопорядком (так называемым внешним порядком), базовой системе социальных ценностей не угрожают.

Именно общественная опасность выделяет преступления и потенциально уголовные проступки среди иных правонарушений, подчёркивает их качественное своеобразие и придаёт самостоятельность уголовному праву как отрасли права. Правонарушения всех иных видов делятся между собой не по характеру и/или степени общественной вредности, а по характеру общественных отношений, регулируемых нарушенной нормой права, что в свою очередь предопределяет их социальную и правовую специфику как явлений разного сущностного порядка.

Межотраслевая дифференциация юридической ответственности должна обладать транзитивностью, которая предполагает, что степень репрессивности мер принуждения в рамках различных отраслей права отвечает правилам иерархии. Нетранзитивность правовой ответственности возникает на фоне процессов изменения жизни общества. Согласно устоявшейся в правовой доктрине позиции, уголовное право должно охранять отношения, базирующиеся на самых важных, невозможных или очень трудно восстанавливаемых благих, ценностях. Опасность, исходящая от преступлений, зачастую заключается в потере невозможных ресурсов обществом или ее членами. Изменения, происходящие в науке, технике, общественном укладе, меняют ценности, расставляют иные акценты, что обусловли-

ваает необходимость постоянного мониторинга основания дифференциации публично-правовой ответственности. Кроме того, нетранзитивность уголовной и административной ответственности зачастую является следствием эфемерности основания деяния социальных отклонений на преступления и административные правонарушения. Для выхода из порочного круга конкуренции уголовной и административной ответственности нужны жесткие правила и установление какого-то ключевого для каждого вида ответственности свойства. Этим свойством в дифференциации уголовной и административной ответственности выступает общественная опасность преступления, а жесткие правила заключаются в выявлении и учете верифицированных факторов - критериев общественной опасности.

Система факторов (критериев), объективирующих общественную опасность преступления, включает обязательные и факультативные признаки. Обязательные признаки общественной опасности преступления заключаются в том, что деяние: 1) затрагивает значимые общественные отношения, нуждающиеся в уголовно-правовой охране от причинения им вреда социально опасным поведением; 2) обладает вредоносным потенциалом, чреватым причинением существенного вреда или созданием угрозы причинения такого вреда объекту уголовно-правовой охраны; 3) имеет своим результатом общественно опасные последствия; 4) характеризуется виновным отношением субъекта к содеянному, выраженным в форме умысла либо неосторожности. На особую социальную ценность определённых общественных отношений прежде всего указывает содержание Основного Закона РФ, а также важных директивных документов государства, где приоритетным признается обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, безопасности государства, экономики, здоровья населения, окружающей среды и иных общественных отношений. Данные объекты и должны ставиться под уголовно-пра-

вовую охрану. Объектом же административных правонарушений необходимо признавать установленный правовой порядок в сфере экологии, экономики, избирательного процесса, обеспечения прав и свобод человека и гражданина и т. д. Во всех случаях общественно опасными должны признаваться последствия в виде вреда жизни и здоровью человека, уничтожения и повреждения чужого имущества, выбытия имущества из обладания собственника или иного законного владельца.

Факультативными критериями общественной опасности выступают признаки предмета преступления и потерпевшего от преступления; способ совершения преступления; время, место, обстановка, орудия и средства совершения преступления; мотив преступления; цель преступления; специальные признаки субъекта преступления. Об общественной опасности деяния, к примеру, всегда свидетельствуют насилие, обман, подкуп, способы, создающие опасность причинения вреда множеству лиц. Явно выраженной антисоциальной направленностью обладают корыстная цель, цель эксплуатации человека, цель сбыта ограниченных или запрещенных в обороте предметов, цель воспрепятствования законной деятельности других лиц.

В качестве критериев общественной опасности поведения не должны выступать: 1) количественные показатели (размер, тяжесть, иная величина) предмета посягательства и его общественно опасных последствий; 2) повторность совершения деяния и наличие специального рецидива преступлений. Первые могут использоваться только в качестве средства внутриотраслевой дифференциации уголовной ответственности. Вторые, отражая общественную опасность личности деятеля, а не самого посягательства, не могут учитываться законодателем при проведении межотраслевой дифференциации юридической ответственности, а должны лишь способствовать индивидуализации ответственности правоприменителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права: история и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.Г. Понятовская. – Екатеринбург, 1997. – 34 с.
2. Рожнов А.П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? / А.П. Рожнов // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 38–42.
3. Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно / И.П. Семченков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1(55). – С. 41–44.

4. Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления / Т.В. Кленова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 136–144.
5. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова // Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с.
6. Shapiro S.P. Collaring the crime, not the criminal: reconsidering the concept of white-collar crime / S.P. Shapiro // *American Sociological Review*. – 1990. – Vol. 55, № 3. – P. 346–365. – DOI: 10.2307/2095761.
7. Innes M. The appliance of science? The theory and practice of crime intelligence analysis / M. Innes, N. Fielding, N. Cope // *The British Journal of Criminology*. – 2005. – Vol. 45, iss. 1. – P. 39–57.
8. Hamdorf K. The concept of a joint criminal enterprise and domestic modes of liability for parties to a crime: a comparison of German and English law // *Journal of International Criminal Justice*. 2007. Vol. 5, № 1. P. 208–210.
9. Millie A. Anti-social behaviour, behavioural expectations and an urban aesthetic / A. Millie // *British Journal of Criminology*. – 2008. – Vol. 48, № 3. – P. 379–394.
10. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.
12. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – Т. 1, кн. 1. – 320 с.
13. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 646 с.
14. Козлов А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
15. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук / Ф.Н. Сотсков. – М., 2009. – 176 с.
16. Гребенкин Ф. Общественная опасность преступления и ее характеристика / Ф. Гребенкин // *Уголовное право*. – 2006. – № 1. – С. 22–26.
17. Лобанова Л.В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности / Л.В. Лобанова // *Logos et Praxis*. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 126–133.
18. Герасимов А.М. Общественная опасность преступления: понятие, структура, сущностные характеристики / А.М. Герасимов // *Мир юридической науки*. – 2018. – № 8. – С. 45–56.
19. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 339 с.
20. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний / Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 142 с.
21. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – 182 с.
22. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / Е.В. Кобзева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 228 с.
23. Малиновский А.А. Оценочные понятия в законодательстве / А.А. Малиновский // *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование*. – Т. 1. – Н. Новгород: Низполиграф, 2001. – С. 268–272.
24. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 17 с.
25. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.
26. Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 4: Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / А.Э. Жалинский. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. – 584 с.
27. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Маркунцов. – М., 2015. – 550 с.
28. Zaplatynskiy V. The new concept of the most general term «danger» / V. Zaplatynskiy // *Bezpečnosť, extrémizmus, terorizmus 2012: Medzinárodná vedecká konferencia: Zborník prednášok: 13. - 14. decembra 2012*

Podhájka, Slovenská republika. 1. vyd. - 1. vyd. - Podhájka: EEDA Východoeurópska agentúra pre rozvoj, 2013. – S. 267–278.

29. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (методологические размышления) / Ю.Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 3–7.

30. Прохоров В.С. Понятие преступления и классификация преступлений / В.С. Прохоров // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 596 с.

31. Бочкарев С.А. О природе общественной опасности преступления / С.А. Бочкарев // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 93–102.

32. Dessecker A. Dangerousness, long prison terms, and preventive measures in Germany / A. Dessecker // Champ Pénal = Penal Field. – 2009. – Vol. VI. – DOI: <https://doi.org/10.4000/champpenal.7508>. – URL: <http://journals.openedition.org/champpenal/7508> (дата обращения[^] 01.07. 2020).

33. Baker E. Dangerousness, Rights and Criminal Justice / E. Baker // The Modern Law Review. – Vol. 56, №. 4. – P. 528–547.

34. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права / Ю.И. Ляпунов. – М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.

35. Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений / ред., авт. предисл., рук. работы А.В. Мицкевич. – М.: Юрид. лит., 1985. – 238 с.

36. Явич Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 207 с.

37. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1963. – 286 с.

38. Шишов О.Ф. О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве / О.Ф. Шишов // Советское государство и право. – 1961. – № 6. – С. 62–65.

39. Константинов П.Ю. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений / П.Ю. Константинов, А.К. Соловьева, А.П. Стуканов // Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 58–74.

40. Cass R.A. Overcriminalization: Administrative Regulation, Prosecutorial Discretion, and the Rule of Law / R.A. Cass // Engage. – 2015. – Vol. 15, № 2. – P. 1–26.

41. Simons K.W. The Crime/Tort Distinction: Legal Doctrine and Normative Perspectives / K.W. Simons // Widener Law Journal. – 2008. – Vol. 17, № 3. – P. 731–732.

42. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества / А.Э. Жалинский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. 6-й междунар. науч.-практ. конф. (29–30 января 2009 г.). – М.: Проспект, 2009. – С. 48–52.

REFERENCES

1. Ponyatovskaya T.G. Conceptual foundations of criminal law: history and modernity: author. Doct. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 1997. 34 p. (In Russ).

2. Rozhnov A.P. Does Russian law need a category of public danger? *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 38–42. (In Russ).

3. Semchenkov I.P. Recognition of public danger as a constructive feature of the concept of crime is methodologically untenable. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*, 2019, no. 1, pp. 41–44. (In Russ).

4. Klenova T.V. Public danger-the true property of crime. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 136–144. (In Russ).

5. Kuznetsova N.F. Crime and criminality, in Kuznetsova N.F. Selected works. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 834 p. (In Russ).

6. Shapiro S.P. Collaring the crime, not the criminal: reconsidering the concept of white-collar crime. *American Sociological Review*, 1990, vol. 55, no. 3, pp. 346–365. DOI: 10.2307/2095761.

7. Innes M., Fielding N., Cope N. The appliance of science? The theory and practice of crime intelligence analysis. *The British Journal of Criminology*, 2005, vol. 45, iss. 1, pp. 39–57.

8. Hamdorf K. The concept of a joint criminal enterprise and domestic modes of liability for parties to a crime: a comparison of German and English law. *Journal of International Criminal Justice*, 2007, vol. 5, no. 1, pp. 208-210.
9. Millie A. Anti-social behaviour, behavioural expectations and an urban aesthetic. *British Journal of Criminology*, 2008, vol. 48, no. 3, pp. 379-394.
10. Piontkovskiy A.A. The doctrine of crime in Soviet criminal law. Course of Soviet criminal law: General part. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p. (In Russ).
11. Naumov A.V. Russian criminal law. General part. Moscow, BEK Publ., 1996. 560 p. (In Russ).
12. Razgildiev B.T. (ed.). Russian Criminal law: course of lectures. Vol. 1, book 1. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2004. 320 p. (In Russ).
13. Maltsev V.V. Socially dangerous behavior in criminal law. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 646 p. (In Russ).
14. Kozlov A.P. The concept of crime. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 819 p. (In Russ).
15. Sotskov F.N. Public danger of an act in the criminal law of Russia. Cand. Diss. Moscow, 2009. 176 p. (In Russ).
16. Grebenkin F. Public danger of crime and its characteristics. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2006, no. 1, pp. 22-26. (In Russ).
17. Lobanova L.V. Dimension of public danger of an act as the basis for intersectoral and branch differentiation of legal responsibility. *Logos et Praxis*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 126-133. (In Russ).
18. Gerasimov A.M. Public danger of crime: concept, structure, essential characteristics // *Mir yuridicheskoi nauki*, 2018, no. 8, pp. 45-56. (In Russ).
19. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal law impact. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 339 p. (In Russ).
20. Prozumentov L.M. Criminalization and decriminalization of acts. Tomsk, Tomsk University Publishing house, 2012. 142 p. (In Russ).
21. Demidov Yu.A. Social value and assessment in criminal law. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 182 p. (In Russ).
22. Kobzeva E.V. Discretionary signs in the criminal law. Saratov, Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2004. 228 p. (In Russ).
23. Malinovskiy A. A. Discretionary concepts in legislation, in: Baranov V.M. (ed.). Lawmaking technique of modern Russia: state, problems, improvement. Vol. 1. Nizhnyi Novgorod, Niepoligraph Publ., 2001. P. 268-272. (In Russ).
24. Kashanina T. V. Discretionary concepts in Soviet law. Cand. Diss. Thesis. Sverdlovsk, 1974. 17 p. (In Russ).
25. Beccaria C. On crimes and punishments. Moscow, INFRA-M Publ., 2004, 184 p. (In Russ).
26. Zhalinskiy A.E. Selected works. Vol. 4: Legal thinking and professional activity of a lawyer. Scientific problems of law. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2016, 584 p. (In Russ).
27. Markuntsov S.A. Theory of criminal law prohibition: diss. Doct. Diss. Moscow, 2015. 550 p. (In Russ).
28. Zaplatynskiy V. The new concept of the most general term «danger», in: Bezpečnosť, extrémizmus, terorizmus 2012: Medzinárodná vedecká konferencia: Zborník prednášok : 13. - 14. decembra 2012 Podhájska, Slovenská republika. 1. vyd. - 1. vyd. - Podhájska: EEDA Východoeurópska agentúra pre rozvoj, 2013.. P. 267-278. (In Russ).
29. Pudovochkin Yu.E. Problems of the political in crime and the criminal in politics (methodological reflections). *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 3-7. (In Russ).
30. Prokhorov V.S. Concept of crime and classification of crimes, in: Lukyanov V.V., Prokhorov V.S., Metelkova V.F. (eds.). Criminal law of Russia. General part. St. Petersburg, SPBU Publishing house, 2013, 596 p. (In Russ).
31. Bochkarev S.A. On the nature of public danger of crime. *Pravovedenie*, 2009, no. 5, pp. 93-102. (In Russ).
32. Dessecker A. Dangerousness, long prison terms, and preventive measures in Germany. *Champ Pénal = Penal Field*, 2009, vol. VI. DOI: <https://doi.org/10.4000/champpenal.7508>.
33. Baker E. Dangerousness, Rights and Criminal Justice. *The Modern Law Review*, vol. 56, no. 4, pp. 528-547.
34. Lyapunov Yu.I. Public danger of an act as a universal category of Soviet criminal law. Moscow, Izdatelstvo VYuZSh MVD SSSR, 1989. 119 p. (In Russ).
35. Mitskevich A.V. (ed.). The Role of legal education in the prevention of offenses. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. 238 p. (In Russ).
36. Yavich L.S. The essence of the law. Leningrad, Publishing house of Leningrad University, 1985. 207 p. (In Russ).

37. Samoshchenko I.S. The concept of an offense under Soviet law. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1963. 286 p. (In Russ).
38. Shishov O.F. On the differentiation of crimes and administrative misdemeanors in Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1961, no. 6, pp. 62-65. (In Russ).
39. Konstantinov P.Yu., Solovyova A.K., Stukanov A.P. Interrelation of administrative offenses and crimes. *Pravovedenie*, 2005, no. 3, pp. 58-74.v
40. Cass R.A. Overcriminalization: Administrative Regulation, Prosecutorial Discretion and the Rule of Law. *Engage*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 1-26.
41. Simons K.W. The Crime/Tort Distinction: Legal Doctrine and Normative Perspectives. *Widener Law Journal*, 2008, vol. 17, no. 3, pp. 731-732.
42. Zhalinskiy A.E. Assessment of the public danger of an act in the process of criminal law-making, in: Criminal law: development strategy in the XXI century: mater. 6-th international conference. scientific-practical Conf. (January 29-30, 2009). Moscow, Prospekt Publ., 2009. P. 48-52. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лопашенко Наталия Александровна – доктор юридических наук, профессор, лауреат Национальной премии по литературе в области права, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: lopashenko@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 2485-7319

Голикова Арина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: golikovaa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8207-2144
SPIN-код РИНЦ: 4995-4203

Кобзева Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: evkobzeva@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 4691-7867

Ковлагина Дарья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Natalia A. Lopashenko – Doctor of Law, Professor, Winner of the National prize for literature in the field of law, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia
E-mail: lopashenko@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 2485-7319

Arina V. Golikova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia
E-mail: golikovaa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8207-2144
RSCI SPIN-code: 4995-4203

Elena V. Kobzeva – PhD in Law, Associate Professor; Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia
E-mail: evkobzeva@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 4691-7867

Darya A. Kovlagina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia

410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: kov-darya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3593-5493
SPIN-код РИНЦ: 3130-0801

E-mail: kov-darya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3593-5493
RSCI SPIN-code: 3130-0801

Лапунин Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: lapuninm@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1774-436X
SPIN-код РИНЦ: 6675-3670

Mikhail M. Lapunin – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia
E-mail: lapuninm@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1774-436X
RSCI SPIN-code: 6675-3670

Хутов Казбек Мухамедович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
410035, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: hutov@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 8165-9370

Kazbek M. Khutov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law
Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410035, Russia
E-mail: hutov@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 8165-9370

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лопашенко Н.А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева, Д.А. Ковлагина, М.М. Лапунин, К.М. Хутов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 124–140. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. Public danger of crime: the concept and criteria of verification. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 124–140. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140. (In Russ.).